

Александр Карабчиевский

Зрелища и хлеб, или Провинциальная сказочка

Комедия

Действующие лица:

Георгий - режиссёр провинциальной театральной антрепризы. Вальяжный, уверенный в себе мужчина 55 лет.

Ася - его жена. Молодая актриса лет 26-27, энергичная, волевая, не только умеющая себя подать, но и знающая, кому.

Гриша - заведующий постановочной частью, бутафор, костюмер, декоратор и вообще незаменимый работник. Мужчина лет 48-50, уже много лет знаком с режиссёром, работал с ним в разных проектах.

Марина - художник по свету и звуку, худощавая женщина лет 36-38, по образованию - инженер, по образу жизни - инженер человеческих сердец. Не верит ни словам, ни тем, кто их произносит.

Владимир - артист театра, 58 лет. Несмотря на некоторую красноту носа и одутловатость лица, сохраняет прямую осанку и уверенный вид. Впрочем, иногда кажется, что только отсутствие музыки мешает ему пуститься в пляс.

Инна - актриса театра, интеллигентная женщина 52-54 лет, доверчивая, немного легкомысленная, и из-за этого много повидавшая в жизни.

Аркадий - молодой актёр, юноша 25 лет со вьющимися волосами, стройной фигурой и некоторыми иллюзиями, связанными с профессией.

Продюсер - роскошно и безвкусно одетая женщина 40 лет.

Сцена представляет собой одну сторону закулисного пространства провинциального дворца культуры, в котором местный театр даёт дневной выездной спектакль для детей. Нам, зрителям, виден только краешек сцены и необжитой угол за сценой, временно предоставленный выступающему коллективу. Сверху софиты и прожекторы, на полу протянуты электрокабели, у стенки - разобранные декорации, рулоны искусственной травы, фанерные кубы и тумбочки. На одной из тумбочек с разложенным гримировальным набором - зеркало, а возле неё высокий стул в старинном стиле, на котором восседает Инна, рисуя себе лицо. Вообще же во время всего действия участники заняты обычными для работы на выезде делами: готовят сцену и себя к работе, показывают спектакль, а затем переодеваются, собирают реквизит и оборудование. По желанию постановщика могут быть введены зрители, дети и прочая массовка без речей.

Действие первое

Владимир (*входит*). Ты опять заняла мой стул. Где теперь прикажете мне гримироваться?

Инна. Да где угодно. Можешь в туалете. Можешь в коридоре.

Владимир. Действительно! Зачем же мне гримироваться? Зачем входить в образ? В туалете - самое моё место.

Инна. И играть там же...

Владимир. А что, твои зрители туда прибегут на меня смотреть? Как раз они там поместятся. Причём все до единого. Ты их так впечатлишь, что им и уходить далеко не придётся.

Инна. Твои шутки ниже пояса никому не интересны. И мне в том числе. Это не твой стул. Твой стул - это там же, где тебе играть. Этот единственная здесь приличная мебель, и она по праву моя. Найди себе табурет и убирайся.

Владимир. Нет уж, извините-подвиньтесь. Я не позволю всяким халтурщицам глумиться над артистом! Вместо того чтобы нагнетать творческую атмосферу, ты её только портишь. Ты опошляешь всё, к чему прикоснёшься. А главное - ты мне просто мешаешь сосредоточиться перед работой.

Инна. Так что же? Мне встать и уйти?

Владимир. Да уж сделай милость.

Инна. Никогда! Пока не закончу, шагу не сделаю.

Владимир. Так что же? Мне пойти на крайние меры и выдернуть из-под тебя это сиденье? Или окатить тебя водой, чтобы немножко остудить твой темперамент?

Инна. (*хладнокровно*) Не посмеешь! Для решительных действий требуется мужество, а ты его давно растерял. Ты рычишь только на сцене, да и то это никого уже не пугает. Вот только попробуй тронуть меня! За меня есть кому заступиться.

Владимир. Да чего тебя трогать, если ты и так тронутая. Мало тебе моего стула, найди себе ещё и старую вешалку, чтобы вас стало двое. В этот день, когда следовало особенно сконцентрироваться, когда мы играем перед самыми взыскательными зрителями в истории театра, ты испортила мне весь настрой, выбила меня из образа...

Инна. Глупый старик! Это дети, по-твоему, взыскательные зрители?

Владимир. Да, именно дети. Именно дети! В отличие от тебя, они как раз очень чувствуют фальшь и лицемерие. Их не обманешь ни париком, ни румянами. Они понимают, что под гримом якобы добродушной старушки скрывается настоящая баба-яга.

Инна. Да тебя же нельзя пускать к детям. Ты же монстр! Мрачный динозавр. Ты же своей желчью отравляешь всё вокруг. Всё не по тебе, всё тебе плохо.

Владимир. А ты когда-нибудь видела весёлого динозавра? Все мы, динозавры, мрачные. Тридцать три года работаю в театре, служу, можно сказать, искусству, и вдруг от коллеги такие заявления... Если бы я тебя уважал - уволился бы отсюда к чёртовой матери. К счастью, ты не заслуживаешь такого благородного поступка.

Инна. Конечно, когда же я заслуживала с твоей стороны хоть чего-то благородного? Никогда! Ты лучше вспомни, когда ты в последний раз радовался чему-нибудь? Когда ты искренне веселился? Да ни разу. Сколько я тебя помню, ты всё такой же унылый брюзга.

Владимир. Ты?.. Ты смеешь посягать на мои радости? Тебе предъявить моё веселье? Когда я веселюсь? Гм, гм... Когда я веселюсь?! Да когда тебя не вижу и не слышу! На твоих похоронах я буду просто покатываться от хохота. И всех окружающих предупрежу: погодите, пока в неё не вбит осиноый кол, она ещё может встать и уязвить. Она ещё способна на любую гадость. Сделайте анализы: можно ли зарывать в чистую землю эту бомбу зависти и ехидства, это средоточие яда, это радиоактивное излучение оскорблений и унижений. Такое хоронят в железобетоне!

Инна. Ещё неизвестно, кто из нас раньше сойдёт со сцены. Унылые и мрачные долго не живут.

Владимир. А ты спросила бы, почему они мрачные? Не потому ли, что знакомы с такими вампирами, которые отбирают чужие стулья и чужое настроение? Не потому ли, что им на

каждом шагу желают смерти? Но мы ещё посмотрим, кто кого переживёт! Если мне здесь объявлена смертельная война за жизнь, то прожить подольше есть единственный способ победить.

Инна. Для такой победы тебе надо бы родиться несколько позже. Лет эдак на тридцать или на пятьдесят. А теперь молодые всё равно тебя обойдут. Что ты ни делай - явятся молодые и скажут: «Уступите-ка ваше место. Позвольте!»

Аркадий. *(осторожно входит)* Позвольте?

Владимир. *(с деланным ужасом, будто увидал призрак, убегает)* А-а-а!

Аркадий. Извините... Я не... Я помешал?

Инна. Нет-нет, детка, что вы! Вы как раз очень помогли. Во всяком случае, мне. Вы очень кстати. Милый молодой человек. Не удивляйтесь, это Владимир Аркадьевич, он у нас несколько с придурью. Но пусть это останется между нами. Антр-ну, как говорится. Вы хотели контрамарку?

Аркадий. Нет, я, видите ли, на работу. Георгий Степанович пригласил меня позавчера. Он ещё не пришёл?

Инна. Пока нет.

Аркадий. А я боялся, что чуть опоздаю.

Инна. Ну, более него опаздывать трудно. Нужно долго учиться, работать над собой. И на какое же ампула вы к нам пожаловали?

Аркадий. На экстренный ввод. Он вчера вечером прошёл со мной роль, она совсем небольшая. Да и спектакль детский. Он сказал, что я легко войду, сложностей возникнуть не должно.

Инна. Ага, так вы новый охотник! Добро пожаловать, милости просим. Очень рада, весьма рада. Правда, мы думали, что Степаныч сам возьмётся, игранёт разок-другой, но он нашёл лучший вариант. Чудесно, чудесно. И как вас звать-величать?

Аркадий. Аркадий.

Инна. Гм, гм... Немного неудачно, но что поделаешь. А я - Инна Семёновна. Приятно. Любить и жаловать. Ну, гримируйтесь, сосредотачивайтесь, входите в образ. Вот, присаживайтесь здесь, на моё место. Это единственный приличный стул в нашем заведении. Вам ведь скоро предстоит повторить свой подвиг, но уже под софитами.

Аркадий. В каком смысле?

Инна. Спаси меня от этого ужасного типа, как совершили вы только что, ворвавшись сюда. Мужество, напор - и победа!

Аркадий. Да, собственно... Я не ожидал.

Инна. Чего?

Аркадий. Что придётся осторожно ворваться в открытую дверь.

Инна. А вы - штука! Вы знаете, что вы опасная штука? Ничего, у нас все такие. И очень сложный, очень взыскательный зритель.

Аркадий. Сегодня? Кто-то должен прийти?

Инна. Да. Публика. Та же, что и всегда. Дети.

Аркадий. С родителями?

Инна. Не без этого. Но на время спектакля их духовные родители - мы. Мы с вами. Видите ли, мой милый Аркаша, дети остро чувствуют фальшь и лицемерие, их не обманешь ни париком, ни румянами. Они будут возмущены, если под внешностью отважного спасителя скрывается трус и карьерист.

Аркадий. Дети понимают, что такое карьерист?

Инна. Наши дети - понимают. Да-да, они чувствуют это. Каждый из них хочет стать старше, сильнее, опытнее. Такая своеобразная карьера. Они пока ещё не понимают, каким это когда-нибудь обернётся ужасом - стать старше. И какая это ответственность - быть опытнее. Но ничего, ничего. Дети уходят от нас просветлёнными, значит, свою задачу мы с вами выполняем. Ваша роль в этом смысле очень выигрышная. Ваш предшественник всегда имел в ней большой успех. Овацию. Но увы...

Аркадий. Что с ним случилось?

Инна. Умер. На сцене. Для сцены. Провалился. В тартарары.

Аркадий. Здесь? То есть совсем умер? Несчастный случай?

Инна. Нет. Да. Как личность он для меня умер. Променял призвание на жизненные блага, да и тех не нашёл. Он эмигрировал. По-моему, в третий или в четвёртый раз. Никак не может найти страну, в которой удалось бы, делая то, что хочется, жить так, как хочется. Это его подлинные слова. И бросил театр. Разве так можно выжить?

Аркадий. В мире такой страны, наверное, нету.

Инна. Но он в это не верил. А я уверена, что за такой страной не нужно далеко ехать. Она здесь! Каждый человек театра это знает, и вы это скоро почувствуете.

Аркадий. Вы очень романтичны.

Инна. Спасибо. Не могу понять, комплимент это или печальная истина, но всё равно спасибо.

Гриша. *(вбегают)* Георгий здесь? Нет? Прекрасно! Давайте, давайте, надо всё быстренько поставить. Где задники? Инночка, вы не видели наши задники?

Инна. *(уходя)* Странный вопрос. Я их каждый день вижу.

Гриша. А, вот они. Давай, парень, помоги немножко. Вот эту стенку надо перетащить на сцену, бери снизу, я сверху... Потащили! Прибивать умеешь?

Аркадий. Кого?

Гриша. Шутник! Инструментом работать можешь? Ладно, я сам доделаю. Этот стул тоже освобождай, тащи на сцену, это бабушкин стул.

Аркадий. Но я здесь гримируюсь.

Гриша. Так поторопись. Скоро начнётся горячка, рассиживаться некогда. Вы участвуете?

Аркадий. В общем-то, да... На сцене.

Гриша. Ага! Вы - новенький разбойник? Так можно было бы прийти пораньше, помочь пожилому человеку. Оружие выбрать. Играть все мастера, а как драпировку прибить или зайкину квартиру организовать - так никого не допросишься. Одни гении кругом, сплошные таланты, а когда для «Кота в сапогах» понадобились сапоги, кто их добыл? Я вас спрашиваю: кто?!

Аркадий. Не знаю. А кто?

Гриша. И очень хорошо, что вы не знаете. И прекрасно! И знать не обязательно. Не нужно. Зачем человеку знания? Нужны сапоги - и будут сапоги. Сапоги выше Пушкина.

Аркадий. Такие большие?

Гриша. Это гротеск! Это метафора Чернышевского и Достоевского.

Режиссёр. *(вбегают)* Это халтура! Чёрт знает что! Гриша, что ты нагородил? Что ты выставил?

Гриша. То есть как это что? «Снежную королеву», как ты мне говорил...

Режиссёр. «Шапочка» сегодня! «Шапочка»! «Королевы» нет и быть не может.

Гриша. О Господи! Почему?

Режиссёр. Здравствуйте, Аркадий. Хорошо, что вы пришли пораньше, сейчас я попрошу вас об одном одолжении... Только разберусь тут немножко. Гриша, ты же полный идиот, хотя тебе за это не платят. «Королевы» не будет ещё три месяца. Во-первых, не сезон. Во-вторых, твои оленьи рога мы прошлый раз сломали. В-третьих, нет разбойников. И опять во-первых: у нас детский сад в полном составе взял «Шапочку». Тебе ещё объяснять, или хочешь, чтобы я начал зверствовать?

Гриша. Ох, блин, извини. Ерунда вышла. Сейчас переменим.

Режиссёр. Давай, Гришаня, давай бегом. Разворачивай лес, клади тропинку. Не забудь верёвочку.

Гриша. Ну, не до такой же степени!.. Как было хорошо во времена Шекспира! Воткнул табличку «лес» - и вот тебе лес. Эх, прошли денёчки. *(К Аркадию)* Зря тащили. Стульчик отдайте!

Аркадий. Так вроде спектакль другой?

Гриша. Что вы? Это же бабушкин стульчик. Там бабулька, и тут бабулька. Всем деткам требуются бабульки! *(уносит стул)*

Режиссёр. Дорогой мой, я вас вот о чём попрошу. Там, внизу, моя машина, а возле машины моя жена Ася. А в машине кресло. Мы нашли его по дороге. Оно вполне пригодится, если поставить его на склад. И потому его надо задвинуть в Гришин прицеп. Гриша, конечно, будет ругаться, но потом. А сейчас вы перегрузите его аккуратненько. Асе скажите: я увлёкся, пусть сама после поднимается.

Аркадий. В каком смысле?

Режиссёр. В хорошем. Что неясно? Говорю: не вы ею увлеклись, а я увлечён работой! На минуту оставить нельзя - всё развалится. Хотя я смогу вас понять, если вы увлечётесь Асей. Она чудная, нежная. Удивительная. Я сам выбирал. Понять я вас смогу, а вот простить в таком случае - никогда! Так что ведите себя хорошо. Сумеете?

Аркадий. Постараюсь. *(Уходит. Входит Марина.)*

Режиссёр. Да будет свет! Здравствуй, милая Марина! Ты вошла - и сразу всё засияло. Ещё ничего не включено, а уже всё работает. Всё оживилось, всё зацвело...

Марина. Георгий, прекрати кипеть. Одноразовый секс - это ещё не повод для знакомства. Ты начальник, я подчинённая. Смотри, до суда дойдёт, не отмажешься. И если Аська узнает - ты будешь дома битый, как то старое корыто.

Режиссёр. Мариночка, но я... Но мы... Но разве тебе не понравилось?

Марина. Какая разница: понравилось, не понравилось... Мне же не это нужно. Такого добра в любом баре полно. Немолодой пьющий женатый мужчина, который ищет приключения на свою задницу. Хватит уже приключений, остынь. Один плюс в тебе - что ты мой начальник.

Режиссёр. Марина, но разве же я начальник? И какая же ты подчинённая? Даже в афише разве мы теперь пишем: «осветитель»? Нет, мы пишем «художник по свету». Неужели ты не чувствуешь, как я к тебе отношусь?

Марина. Плохо ты ко мне относишься, Георг восьмой. Плохо, Жоржик. Где подарки, где ужины при свечах, где поездка на Мальдивы или круиз на Багамы? Ладно, хотя бы где новые удлинители? Обрати внимание: хороший удлинитель нужен не только тебе лично, он нужен всему коллективу.

Режиссёр. Мариночка, зачем эти грубые шутки? Мы же партнёры, коллеги, напарники. Мы же делаем общее дело.

Марина. Да, но в разных позициях. В данном случае я сверху, на колосниках. Не смущайся, дорогой, ты не дотянешься. Лучше, пойдём посмотрим, что тебе светит сегодня.

Режиссёр. В каком смысле? В хорошем?

Марина. В смысле: принимай работу, начальничек. Звук заряжен, светофильтры готовы. Смотри: вот это *(щёлкает переключателем, освещение меняется)* первая сцена и третья, во второй я чуть добавила красного, вот смотри: тут пошёл волк, пошёл...

Режиссёр. Но не грубо, не грубо. Нежней!

Марина. Руку убери! Нежней так нежней, розовым подсветим *(освещение меняется)*. Вот поехали за ним, поехали... Он спрятался, а пятно я тут положила. И вот тебе четвёртая сцена *(освещение меняется)*. А для бабки и финала дадим полную иллюминацию. И вот тебе на второй уход: когда Гриша снимает ширму, отсюда идёт общий, а там я специально стробоскоп воткнула, и получится такой эффект дискотечный *(освещение меняется. Включается стробоскоп, в его мигании в углу видна пара: жена режиссёра и бутафор, застигнутые во фривольной позе. Они вздрагивают и скрываются в кулисах)*.

Режиссёр. А-а... Это?

Марина. Оба-на!

Режиссёр. Это то, о чём я подумал?

Марина. Нет, не то! О чём бы ты ни подумал, это всегда будет не то. Не отвлекайся.

Режиссёр. Ася! Аська! *(убегает в ту сторону, где скрылась пара)*.

Марина. Вот так всегда. Если бы публика это видела... Лучшие эффекты всегда проходят незамеченными.

Аркадий. *(входит в костюме охотника с бутафорским ружьём)* Здравствуйте.

Марина. Здравствуйте. А неплохо, совсем неплохо.

Аркадий. Простите, что?

Марина. Вы недурно смотрите.

Аркадий. Спасибо. Я без собаки, но сам по себе следопыт с чутьём. Сегодня я здесь охочусь.

Марина. Да уже видно. Несёте дичь.

Аркадий. Это роль.

Марина. А это реплика. Знаю эту роль. Сто раз видела. Костюмчик, правда, великоват. Если присмотреться. Но это не обязательно. Эдик был покрупнее вас.

Аркадий. Да, правда. Эдик - это который до меня?

Марина. Точно.

Аркадий. Ну, что ж поделать... Брюки верёвочкой подвязал. Я - Аркадий.

Марина. Марина, художник по свету и звуку. Где вас выкопал наш царь Георгий? Да вы поставьте эту бандуру, ваш выход ещё очень не скоро. Если вообще состоится. Е-бэ-жэ, как говорит наш Гриша.

Аркадий. Е-бэ, извините, кого?

Марина. Е-бэ-же, это значит «если будем живы». Так Лев Толстой в своих письмах отвечал. Его спрашивают, например, приедет ли он куда-нибудь, а он отвечает «е-бэ-жэ», если будем живы, в смысле: может быть, и приеду, если вам повезёт.

Аркадий. Типа как у арабов «иншалла». Если Аллах позволит.

Марина. Вот-вот, он самый. Только его помощью мы ещё держимся. Один Бог знает, как это всё не развалилось ещё. Но не берите в голову: нам сегодня нужно чётко отработать. Вы как рассчитываете: надолго к нам?

Аркадий. Пока не знаю. Как повезёт.

Марина. У вас семья?

Аркадий. Только родители.

Марина. Женаты?

Аркадий. Был грех. Сейчас свободен.

Марина. Это хорошо. Это перспективно. От законных жён бывают большие неприятности.

Ася. *(входит вместе с режиссёром)* И всё плохая жена, всё не такая жена! Ты посмотри на себя: как ты одет, как ты отглажен. Кто посоветовал тебе всё это купить? Кто для тебя это выбирал? Ты посмотри на свои зубы, на свои уши. Сколько здоровья я положила, чтобы ты мог есть как человек и слышал всё, что тебе говорят. Это всё мои нервы, мои слёзы. А теперь ты устраиваешь мне, стыдно сказать, разборку при посторонних.

Режиссёр. Но, Асенька, я вдруг увидел и просто испугался...

Ася. Что же такое страшное ты увидел?

Режиссёр. Что ты... Или какая-то женщина, очень похожая на тебя... И, кажется, Гриша... Там... Интимно. Мне показалось...

Ася. Тебе должно быть стыдно, масечка.

Режиссёр. Мне стыдно. Но ты не должна так поступать.

Ася. Как поступать?

Режиссёр. Спорить со мной. Препираться. По крайней мере, на работе. Дома - ладно, пожалуйста. Но на работе изволь соблюдать приличия. Я руковожу коллективом, ко мне прислушиваются. Не смей подрывать мой авторитет!

Ася. Никогда! Никогда я не подорву твой авторитет, бубусик. *(Обращаясь к Аркадию)* Ну скажите, разве я что-то могу подорвать?

Аркадий. Н-нет, наверное. Не знаю.

Ася. Вот видишь! Я всего лишь слабая женщина. Твоя, между прочим. Сам, смотри, не подорви чего не надо. В нашем театре полно мин. Причём замедленного действия.

Марина. И они могут взорваться в любую минуту. Не советую наступать.

Режиссёр. Ну девочки, девочки! Давайте, давайте, у нас тут ещё конь не валялся. Опять опоздаем с началом на полчаса. Дети же не выдерживают, им же надо кушать, бегать, писать, плакать, жвачку, лазить, кричать... Ася, переодевайся! Со скоростью звука.

Марина, распорядитесь запускать народ. И дайте пока какую-нибудь весёленькую музыку в зал. Пожалуйста!

Ася. *(убегает)* Три минуты, и я готова!

Марина. Эх, Господи благослови. Как вы сказали? Иншалла?

Аркадий. Да, с Божьей помощью. Как вы сказали: е-бэ-жэ.

Марина. Точно. И долго бэ-жэ, если не искать приключений на свою жэ *(уходит)*.

Режиссёр. Текст выучил?

Аркадий. Полагаю, что готов.

Режиссёр. Назубок?

Аркадий. Надеюсь.

Режиссёр. Сейчас посмотрим. Если что - взгляд на меня, махни ружьём, я подам, подсудфлирую. Иногда наши такую отсебятину несут... Ничего, это ничего, лишь бы в образе. Дети - народ чуткий, если им что не нравится, сразу режут. Правда, если очень нравится, тоже режут. Текст у нас необычный, я его адаптировал под наши нужды. Некоторая местная специфика, понимаешь ли. Эх, нам бы найти настоящего спонсора, не жадного, и чтобы театр любил! Возьму хорошего драматурга, нового продюсера, ещё пару артистов - и такую «Шапочку» отожду, мать родная не узнает. Шарль Перро от счастья прослезился бы, если бы до этого дожил. Верить, нет?

Аркадий. Отчего же не верить? Верю.

Гриша. *(входит)* Всё, готовченко. «Шапка» вся стоит, буквально трепещет. Запарился. Лесок у нас - загляденье. Можешь начинать. Твои архары где?

Режиссёр. Подтягиваются. Даём первый звонок *(руками сигналим Марине)*. Отступить некуда,

позади зрители. Тьфу-тьфу-тьфу, на удачу. *(Понижает голос)* Пресвятая дева, Николай-угодник, и ты, святой Аполлоний, театра покровитель, актёров утешитель, декораций укрепител, благословите действо сие, хоть не ради нас, многогрешных, так ради детишек, сироток малых. Ну, где моя коза?!

Инна. *(входит в костюме и гриме бабушки)* Вы меня звали, Георгий Степанович?

Режиссёр. Нет. То есть да. Где Владимир, где Ася? Куклы готовы? Гришаня, проверь куклы.

Гриша. Нормалёк, мелкая живность в порядке.

Ася. *(входит в костюме Красной Шапочки, с корзинкой)* Какая скотина погрызла мой пирожок? Это мыши или у кого-то совершенно нет совести? Что я теперь буду показывать бабушке?

Инна. Милая, у вас непременно найдётся, что показать. Не волнуйтесь. Позвольте-ка... Ага! Это не мыши.

Ася. Слава Богу. А то я очень боюсь мышей.

Инна. Мышам так не укусить. Он же чёрствый, как дерево. Это либо крысы, либо Владимир Аркадьевич закусывал. Узнаю его характерный прикус.

Владимир. *(входит в комбинезоне волка, большую голову-маску держит под мышкой)*

Что ты клеветешь тут на артиста? *(Пробуя голос)* Ма-ма-ма, мэ-мэ-мэ, му-му-му...

Искусство, моя милая, требует жертв, но не от всех их принимает. Ты ужасно выглядишь. Для такой роли могла бы и не гримироваться. Кусок чёрствого хлеба пожалела.

Режиссёр. Прекратите препираться. Второй звонок! Музыка - ша! (*Руками сигналит Марине*) Милые, родненькие, гады, сволочи, не подведите меня сегодня. Не посрамите искусства. Гриша, к следующему разу новый пирог для Асеньки сделаешь.

Гриша. Будет пирог. Для нашей главной героини - лучший пирог.

Режиссёр. Ася, шапку поправь. Ты же девочка из хорошей семьи, хотя и безотцовщина. Чуть меньше эротики, чуть больше трагичности. Инна, слушайте партнёра. Не хотите на него смотреть, так хотя бы слушайте. Забудьте на минутку, что вы хотите его съесть. Это он должен вас съесть, а не вы его. Добавьте беззащитности. Владимир...

Владимир. Что Владимир? Что Владимир?! С Владимиром всё в порядке.

Режиссёр. Верю! Гриша, на занавес. И мельница, пошла мельница. Третий звонок! Поехали...

Ася. (*отбивая чечётку, продвигается на сцену*) Наш лес очень необычный. Опа-опа-опа-па.

Он заколдованный. В нём происходят разные чудеса. Опа-опа-опа-па. Звери и птицы разговаривают человеческими голосами. А все, кто проходит по этой тропинке, не идут, а танцуют. Так заколдовал добрый волшебник. Опа-опа-опа-па. Сейчас я расскажу вам историю из моей жизни... (*проходит дальше*).

Режиссёр. Ничего, ничего, сойдёт. Не Мольер, конечно, но тоже пристойно.

Инна. Да не расстраивайтесь так. Вдруг какой-нибудь меценат сидит сейчас в зале и думает: какое тонкое решение, какой изящный ход.

Режиссёр. Вы полагаете? Нет, я расстраиваюсь не из-за того, что он там сидит, а из-за того, что он там как раз не сидит. И даже не собирается. Володя!

Владимир. Да?

Режиссёр. На выход. В образе, пожалуйста.

Владимир. Чем только приходится заниматься интеллигентному человеку!.. (*Воем*) У-у-у, у-у-у! Чёрт бы задрал всю систему Станиславского. У-у-у-у! (*Надевая голову-маску волка, выдвигается на сцену*) Я очень голодный и сердитый серый волк! Меня ругают за серость, а что я могу поделаться, если таким родился? Ух, как есть хочется!.. И пить. Но есть всё-таки больше. (*Танцуя лезгинку*) Чую, чую, здесь проходила маленькая девочка. Асса, асса! Чую, чую, она была в красной шапочке. Асса, асса! Скажите мне, дети, куда она побежала? Туда? Асса, асса! Или сюда? Что-то вы слабо отвечаете; что, плохо покушали сегодня, как и я? Асса, асса! Ну, поищу-ка её там (*проходит дальше*).

Режиссёр. Опять отсебятину попёр. (*К Аркадию*) Как тебе наши декорации?

Аркадий. Тяжёлые, но убедительные. А зачем нужна мельница?

Режиссёр. От «Дон-Кихота» осталась. Очень выигрышная конструкция, отвлекает и привлекает. Мы не такие бедные, как выйдем на первый взгляд.

Инна. О да. Мы гораздо, гораздо беднее.

Режиссёр. Инна, ёлки-палки, Семёновна, не побоюсь этого слова! Не развращай молодёжь.

Продюсер. (*входит, режиссёру*) Сто двадцать семь сегодня, считая опоздавших, не считая приглашённых. Слабовато. Перестали бы вы проводить многодетные семьи бесплатно.

Режиссёр. А что такое? Какие семьи?

Продюсер. Имидж театра страдает. Тем, кто реально купил билеты по полной цене, может быть обидно. Пришла сегодня семейка: мамаша и шестеро детей, из них тройка близнецов. Говорит, что ваша жена их всех пригласила. Ася, правда, предупредила, что может прийти женщина с детьми от вас. Но чтобы сразу шестеро!

Режиссёр. А, знаю, кто это. Это её портниха. Но эти дети - не от меня!

Продюсер. Кто уже теперь разберёт? Конечно, я всех пустила и посадила. Потом, знакомые Инны Семёновны тоже - две пары.

Инна. Люди любят театр. Это же прекрасно...

Продюсер. Люди покупают билеты, вот это прекрасно! Билеты, диски, абонементы...
Бесплатно любить театр имеют право только артисты.

Инна. Горькое право!

Продюсер. Учтите: мы же всё-таки пока работаем, ездим, ставим. Вот когда совсем обанкротимся, тогда и будете горевать.

Режиссёр. Где Гришка? Инна, зверушки на подходе.

Инна. А Володя?

Режиссёр. Если он застрял, я подыграю.

Гриша (входит). Белочка! Зайчики, белочки, по местам. Можно потащить?

Режиссёр. Тащи.

(Гриша с трудом поднимает щит с намалёванным на нём деревом. Инна и Режиссёр становятся за щитом, и вся эта конструкция движется в сторону сцены. Поверх щита и в дырках на нём актёры выставляют кукол.)

Инна. *(надев на руку куклу белки)* Чего только не происходит в нашем лесу. Тем, кто живёт в городе, нас не понять. У вас есть уютные квартиры, магазины и театры, детские сады и школы. А у меня - только дупло на этом дереве. Оно и квартира, и магазин, и детский сад, и театр. И вот, бывает, делаешь запасы на зиму, делаешь-делаешь, делаешь-делаешь, делаешь-делаешь... и так горько становится, потому что ничего не выходит, ничего не получается, как ни стараешься...

Режиссёр. *(надев на руку куклу зайца, выставляет её в дыру внизу щита).*

Здравствуй, белочка! Какой прекрасный день сегодня! *(Понизив голос)* Что ты делаешь?!
(Громко) Что ты делаешь?

Инна. Собираю запасы на зиму. *(Понизив голос)* Так, вдруг стало очень грустно.

Режиссёр. Нашла время! В смысле: самое время для запасов. А ты не слышала? Говорят, по нашему лесу бродит охотник. *(Понизив голос)* Где этот осёл лазит?

Инна. Ой! Я боюсь, он может подстрелить одного моего знакомого зайчика. *(Понизив голос)* Вот он идёт.

Владимир. *(вбегает с термосом и маской-головой волка под мышкой)* Ну вот, опять накладка. Только кофе себе сделал... Кофе хотите? Подержите! *(Отдаёт Аркадию термос и маску, и пробирается к щиту).*

Режиссёр. Действительно, нехорошо может получиться. Пойду-ка я быстренько поищу его. *(Убирает куклу, снимает её с руки и передаёт Владимиру)*

Инна. Ах, мой любимый зайчик! Он такой неосторожный. Кажется, что в лесу все зайчики одинаковые. На первый взгляд вы их не различите. Но мой - особенный. У него замечательные ушки, замечательный носик, замечательный хвостик, замечательные лапки, замечательный животик...

Владимир. *(надев на руку куклу зайца, выставляет её в дыру в щите)* А вот и я! Мне так приятно, когда ты меня хвалишь. Извини, немножко задержался.

Инна. Нужно быть точнее. И аккуратнее. Ты видел в нашем лесу охотника?

Владимир. Видел. Вполне приличный молодой человек.

Инна. Какой ты наивный, какой доверчивый! Он же мог выстрелить в тебя.

Владимир. За что?!

Инна. Когда выстрелит, тогда и узнаешь. А волка ты сегодня встретил?

Владимир. Нет, ещё не встречал.

Инна. Тебе повезло. Знаешь, какой этот волк подлый, какой коварный. Он двуличный и лицемерный!

Владимир. С кем не бывает...

Инна. И он хочет обидеть нашу Красную Шапочку.

Владимир. Ну нет! Этого мы ему не позволим. Надо её предупредить!

Гриша. *(сдавленным голосом)* Ой, блин! Ух, зараза!

Инна и Владимир. *(вместе)* Дерево разговаривает!

Гриша. *(понижив голос)* Сойди с ноги, баран!

Владимир. *(понижив голос)* Извини! *(Громко)* Оно говорит, что тоже не любит волка. Очень уж он сердитый. А охотников дерево не боится. Они ничего ему не сделают, потому что оно деревянное!

Инна. Нужно предупредить Красную Шапочку!

Владимир. Какая ты добрая. И предусмотрительная. Я люблю тебя, моя белочка. Поспешим.

Инна. И я тебя люблю, мой зайчик. Бежим скорей!

(Актёры убирают кукол, и вместе с несущим щит бутафором сдвигаются обратно за кулисы)

Режиссёр. *(К продюсеру)* Вы видите, что они со мной делают. Каждый спектакль стоит мне большого куска здоровья. Надо иметь железные нервы... Бабушка, на выход.

Инна. *(продвигается на сцену, отплясывая танец живота)* Сегодня ко мне в гости должна зайти моя внучка, Красная Шапочка. Ай-нанэ-нанэ, ай-нанэ-нанэ! Я обычно болею, но вышла, чтобы её встретить. А её нет как нет. Ай-нанэ-нанэ, ай-нанэ-нанэ! Уж не обидел ли её кто? Ай-нанэ-нанэ, ай-нанэ-нанэ! У меня есть огород, я развожу на нём овощи. Для зайцев - морковку, для белок - орехи, для внучки - травку и клубнику. Ай-нанэ-нанэ, ай-нанэ-нанэ! А волку на моём огороде искать нечего! *(проходит дальше)*

Аркадий. *(к Владимиру, возвращая маску-голову волка и термос)* Пожалуйста, ваше имущество.

Владимир. Покорно благодарю, сударь.

Гриша. *(к Владимиру)* Ты что, совсем офонарел? Не видишь, куда становишься?

Владимир. Гриша, ну прости старика. В пылу творчества. Так вошёл в образ... Больше не повторится. Ты хоть цел? Кофе хочешь?

Гриша. Чёрт с тобой! Смотри, куда прёшь. Налей немножко. *(К продюсеру)* Слушайте, отменили бы мы антракт в шапочке, а? Раньше сядут - раньше выйдут.

Режиссёр. А чем тебе антракт помешал, хулиган?

Гриша. А тем, что пацаны из публики лезут на сцену, хоть ты что хочешь делай. От родителей сбегают и лезут. А бывает, что и с родителями вместе лезут. Интересно им посмотреть на бабкин огород, какую там травку выращивают. И мельничку покрутить или оторвать что-то. Мы в детстве такими не были. Мы хоть милиции боялись. А эти никого не боятся!

Продюсер. Ну, что же делать? Присматривайте за ними. Антракт отменить пока нельзя. Выездная торговля и буфет только в перерыве своё добирают. С миру по нитке - голому верёвка, как говорится.

Режиссёр. Волк, внимание. Приготовился.

Владимир. А, да, да! *(Отдаёт термос Аркадию, надевает маску-голову волка).* Я готов!

Режиссёр. Мы с тобой потом поговорим, актёр актёрыч! Выкатывайся!

Владимир. У-у-у! Где-то здесь поросятиной пахнет! *(Продвигается на сцену)* Нет, это мне показалось, это из другой сказки. Асса, асса! Здесь должна проходить Красная Шапочка! Тоже неплохой поросёночек. Асса, асса! Где-то тут дом её бабушки, я знаю. Спрячусь возле домика и подожду её. Цинандали, мукузани, саперави, гурджаани, хванчкара-а!.. *(Проходит дальше)*

Гриша. А ты чего кофе не пьёшь?

Аркадий. Не сейчас.

Гриша. Напрасно. Крутой кофеин. Давай, поддержи. Будешь по тропинке идти, танцуй осторожно; четвёртый куб слабый, может треснуть. И упаси тебя божок облокотиться там на что-нибудь. Повалится если - будем мы иметь бледный вид и холодные ноги.

Аркадий. Постараюсь. А может повалиться?

Гриша. Всё может быть. Разве же угадаешь, какая подлянка случится до того, как она случилась. А тогда уже поздно волноваться.

Режиссёр. Аркадий! С Богом! На выход.

Гриша. Ружьё возьми.

Аркадий. Ах да, да. *(Берёт ружьё и пританцовывая вприсядку, продвигается на сцену)*
Я хотя и без собаки, но сам по себе следопыт с чутьём. Гоп-гоп! Сегодня я здесь охочусь. На крупную дичь. Гоп-гоп! Я слышал, что в этом лесу живёт девушка изумительной красоты. Гоп-гоп! И носит она очень модную красную шапку. Гоп-гоп! Главное - не влюбиться в неё... *(Продвигается дальше)*

Продюсер. Новенький ваш?

Режиссёр. Хороший парень. Старается. Молодой ещё.

Продюсер. Не сбежит?

Режиссёр. Обязательно сбежит. Но не сразу, не сразу.

Продюсер. Это важно. *(Смотрит на сцену)* Что они говорят? Что она вытворяет?!

Провалится когда-нибудь ваша стряпня...

Режиссёр. Никогда! Ты сравнительно недавно в театре, а я всю фактически творческую жизнь в нём провёл. И вот что тебе скажу: в Советском Союзе спектакли не проваливались. Неудачные - возможно, бывали, но провальных не было никогда. С репертуара снимали, да, бывало. Сверху указание спускали снять - и снимали. До выпуска не доходило - да, бывало. Посмотрят генеральную репетицию ответственные товарищи и прикажут не выпускать. Что ж, наше дело подневольное. Но чтобы публика спектакль провалила, чтобы свистела или шикала - такого в Союзе не было, да и быть не могло. Если спектакль властями одобрен, то всякий свист по его поводу - хулиганство в театре. А кому хочется прямо из театра в обезьянник поехать, статью за хулиганство получить?

Продюсер. Но они же просто могли не идти. Билеты не покупать - и всё. Попробуй продай им...

Режиссёр. Не возражаю. Некоторые так и делали - не покупали. Но театру от этого ни жарко, ни холодно, они же все государственными были. А главное - билет зрители покупают до спектакля, а свистят и шикают - только после. И уж если ты им билеты продала - наша работа на ура пройдёт. Веришь, нет?

Продюсер. Да, верю, но не понимаю. До сих пор не понимаю.

Режиссёр. Не сомневайся. Кому же захочется глупым показаться? Выйдет, что деньги свои человек зря выбросил. А мы за его деньги даём самое важное - зрелище. Публика же у нас воспитанная, бывшая советская, не царские времена. Только в последние годы меняется потихоньку.

Продюсер. И какая же разница?

Режиссёр. А такая, что в театр при царе образованные люди ходили, состоятельные. Ложи абонировали на весь сезон - им этот расход был, как тебе сегодня машину заправить. Студенты - на галёрку, дворяне и купцы - в партер. А простой народ в балаганы ходил. А потом балаганы упразднили, дворян и купцов тоже. И пошёл простой народ в театр. А простому народу что нужно? Хлеба и зрелищ. Вот мы и даём. Детишек, к примеру, возьмём: хлеб им родители дают, а зрелище - мы. Как состоятельные люди появятся, так на их вкус и угождать придётся. Найди нам спонсора, а? Не умеешь? Слабо? Спонсор - это половина театра, причём большая его половина.

Продюсер. Где ж его найдёшь?

Режиссёр. Вот-вот. Театров без спонсора я много видел, а вот спонсора без театра - ещё не пришлось.

Гриша. Георгий! Бабкина шарманка опять заедает...

Режиссёр. Ну, ты видишь? Давай, Гриня, давай! *(убегает за Гришей. Уходит и продюсер).*

Действие второе

Гриша. Ну, всё, всё, больше занавеса не дам. Нечего подогреть. Супчик давно остыл.
Режиссёр. Таки всё, отгавкались на сегодня! Детишки всю душу вымотали. А взрослые ещё хуже. Укладываемся, Гриша. Разбирай тропинку. Цветы Асе поднесли?

Гриша. А как же! Приличный букет.

Режиссёр. Я заказывал два. Опять с доставкой собачиться! Ничего поручить нельзя, всё надо самому делать. Что за работнички! Как говорил мой покойный отец: ни бе, ни ме, ни кукареку.

Ася. *(впархивает с букетом)* Ну как тебе сегодня?

Режиссёр. Ты была прелестна. В этом образе что требуется? Экспрессия и непосредственность. То есть напор и простота. Всё это ты даёшь, моя девочка, даёшь с избытком. Великолепно! Только я тебе ещё раз напомним: сексуальность микшируй. Эротизм убирай. Дети же.

Ася. Дети-дети... Так что, что дети? Вырастут - поймут, из-за чего они сами на свет появились. А с ними рядом и папаши, бывает, сидят. Им тоже интересно.

Режиссёр. Не спорю, согласен. Но билеты в основном покупают мамы, а они все не такие яркие и красивые, как ты. Всё у тебя отлично, а должно быть ещё и прилично. Понимаешь?

Ася. Да чего уж.

Продюсер. *(входит)* Спасибо, милые мои, отработали. Эх, ещё бы десяточек таких выездов. Да, послушайте, Георгий, нельзя ли держаться ближе к жизни, что ли. Почему у вас Красная Шапочка начинает раздеваться, когда её кушают? И зачем она так стонет, будто к ней пришёл не волк, а любовник?

Режиссёр. Видишь ли, звери тряпок не едят. Им нужна трепещущая плоть. Искусство требует...

Продюсер. Пусть бы оно требовало от вас полной кассы! Творить решили? Вы мне так натворите, чтобы касса была. Что это такое: если вы тоже хотите попробовать пирожок Красной шапочки, попросите родителей купить изделия фирмы «Выпечка Ионы»? Что за новости драматургии? Это как понимать?

Ася. А я вам скажу, что это! Это две пары брюк для Георгия, кофточка для меня, две бутылки виски и конфеты, которыми, кстати, вас тоже угощали. Это то, что вы нам недоплачиваете, поэтому мы вынуждены побираться по всяким фирмам, как нищие. И если бы мы не искали разные возможности, то давно уже сдохли бы с голоду.

Продюсер. Да я же не против рекламы. Я только за. Но договаривались же, чтобы вся реклама шла через меня. Вы лягнули со сцены - и забыли, а мне потом спонсоры говорят: а почему это вы нас упомянули один раз, а этих - целых два. Местное радио тоже в обиде; они приглашали прийти вечером в студию, а вы им сказали: нет, вечером даём интервью только по телефону.

Ася. Потому что они у чёрта на куличках. И переться долго, и машину поставить негде. Бензин вы нам оплатите, нет?

Продюсер. Нет. И телефон тоже не оплачу. Но это всё для вас же, для вас же нужно. Приходится постоянно мелькать, постоянно отмечаться. Народ у нас такой забывчивый. Кто о вас помнит? Родители и знакомые. А нужно, чтобы все, все вас помнили и все любили. Как вас продавать, неизвестных таких?

Режиссёр. То есть вы хотите, чтобы мы завоевали популярность дешёвыми трюками? Вы хотите посягнуть на наш творческий уровень?!

Ася. Да, не придирайтесь к нам! Он и так уже упал ниже плинтуса.

Режиссёр. Да что ж сегодня все как с цепи сорвались?!

Продюсер. А что я такого сказала? Я в ваши режиссёрские дела не мешаюсь, но и вы войдите в моё положение. Мне же нужно спектакли продавать. Распространители билетов - это просто мрак; расскажи им, чем этот спектакль лучше других, чтобы они потом своим клиентам передали. А чёрт его знает, чем он лучше! Тем, что сегодня идёт -

вот чем он лучше. А им как это объяснить? Каждому журналюге плати, охране зала плати, портнихе плати, тому плати, этому тоже, страховку от несчастного случая плати...

Ася. Какая страховка? Её уже можно получать. Наша жизнь здесь и есть несчастный случай.

Режиссёр. Ну, Асенька, детка, нельзя, нельзя, люди услышат. Не надо превращать обычный диалог в ссору. Мы же понимаем: вам тяжело. Мы - товар уникальный, штучный, продавать его трудно. Но и нам нелегко. Мы в одной лодке, так не раскачивайте её. Тем более что сегодня сбор вроде и неплохой. И отработали прилично.

Продюсер. Ладушки, пусть будет так. Ещё бы послезавтра откатать «Кота в сапогах» при такой кассе - уже что-то. С миру по нитке...

Режиссёр. Голому рубашка, как говорится.

Ася. Голому - петля, так правильнее.

Режиссёр. Ася, умеряй эмоции, умеряй. Побереги их для сцены. Как тебе новый партнёр? Тебе с ним удобно?

Ася. Этот мальчик? А что - а ничего! Стараются пацан.

Режиссёр. Как ты думаешь, он не наркоман?

Ася. Этот? Не-ет. Не должен. Совсем не похож. Ни с какой стороны.

Режиссёр. Вот и мне кажется, что нет. Но только кто их теперь, нынешних наркоманов, знает? Они сами себя не знают. Ты поговори с ним. Мне он не скажет, а тебе скажет. Пощупай его: чего хочет, чем дышит, когда сбежит. Только не в буквальном смысле! Не вздумай!

Ася. Очень надо! Я люблю солидных, важных папиков. Вроде тебя, масечка.

Режиссёр. И очень хорошо. Пойди, переоблачайся. *(Ася уходит. Входит Инна)* Инночка, молодчиночка. Устали, бедная? Ещё бы: так отплясывать в таком возрасте. Не обижайтесь, это я с уважением. Всё, отдыхать, отдохнуть, заслужили.

Инна. Что же я, по-вашему, заслужила?

Режиссёр. Сегодня - аплодисменты. Вполне уместно. Вас дети любят.

Инна. А бонус?

Режиссёр. Какой бонус? На зарплату еле натягиваем. Впрочем, это не ко мне *(уходит)*.

Инна. *(обращаясь к продюсеру)* Послушайте, голубушка. Мне кажется, в нашем театре происходит что-то не то.

Продюсер. Скажите спасибо, что в вашем театре вообще что-то происходит.

Инна. А разве этот театр не ваш тоже?

Продюсер. Мой, не мой, какая разница. Я могла бы заниматься чем-нибудь получше, если бы ситуация сложилась иначе.

Инна. И чем же, например?

Продюсер. Торговать машинами или домами. Денег больше, головной боли меньше.

Инна. И почему же вы этим не занимаетесь?

Продюсер. Не нашла соответствующие дома. И машины. Да и у вас тут завязла. Надо с долгами хотя бы расплатиться, а уж потом двигаться дальше.

Инна. То есть вы полагаете, что мы вам что-то должны?

Продюсер. Мне должны распространители билетов, владельцы залов, министерство. Если все долги вернутся - стану долларовой миллионершей.

Инна. И перестанете заниматься театром?

Продюсер. В тот же момент. Представляете: я просыпаюсь - и никакой красной шапочки на голове! А сейчас... Крутишься, вертишься, день и ночь в глазах билеты, плакаты и рекламные статьи.

Инна. То есть нам повезло, что у вас нет денег? Только благодаря этому вы с нами и остаётесь.

Продюсер. Например, вчера я расклеивала афиши, так меня возмущённая публика обвиняла во всех грехах. Что в «Мальчике с пальчиком» есть сцены, которые нельзя показывать детям, а в музыкальном спектакле «Петя и волк» оркестр страшно

фальшивил. Вы же понимаете, что это не мои спектакли. Я никогда не думала, что публике могут быть интересны такие глупости. Красная шапочка - это же совершенно другой уровень.

Инна. Очень рада, что вам нравятся именно наши постановки. Мы изо всех сил стараемся сделать их лучше. Но нам нужна некоторая помощь.

Продюсер. Некоторая? Да я вкладываю в каждый спектакль своё сердце и свою печень! А что получаю взамен? Мои конкурентки процветают, а я? Одна привезла голливудского актёра. Конечно, она потратилась: самолёт, гостиница «люкс», самые лучшие рестораны. Но зато сколько шума, какой успех! Были полными даже те залы, в которые до тех пор вообще никто не заходил. А вторая вообще финт выкинула. Пообещала показать балет на льду «Раймонда», а привезла хор, который на ту же музыку «А-а-а» пел. Я так людей не обманываю и чужих звёзд с неба не хватаю.

Инна. Да мы тоже, в общем-то...

Продюсер. Что тоже?

Инна. Звёзд не хватаем. Нам бы прожить достойно. Или хотя бы как-нибудь. Скажите сами: разве на наш заработок можно жить?

Продюсер. Но вы же живёте?

Инна. Живём. Как сказал бы наш Владимир: «Пока живём».

Продюсер. Вот видите! Значит, можно. А знаете что? Сколько лет вы в театре работаете?

Инна. В вашем? То есть в нашем?

Продюсер. Нет, вообще в театре.

Инна. Тридцать пять лет уже. Да, в следующем сезоне тридцать пять лет исполнится.

Продюсер. Прекрасно. Вот в следующем сезоне и давайте устроим вам бенефис. Правда, давайте. Афишу выпустим: «Тридцать пять лет на подмостках». Поставим что-нибудь...

Такое что-то! Вы будете на сцене вся в цветах...

Инна. Лежать?

Продюсер. Зачем? Сидеть будете. А вам будут хорошие слова говорить и в любви признаваться.

Инна. Это, конечно, приятно. Но лучше бы всё-таки что-нибудь сегодня...

Продюсер. Сегодня - никак невозможно. Нету пока. Нового человека взяли. Выездной спектакль послезавтра. Подождите немного. В следующем сезоне, может быть, лучше станет. (*Входит Аркадий*) Как вы думаете, Аркадий, пойдут у нас дела в следующем сезоне?

Аркадий. Е-бэ-жэ. Правильно, так у нас говорят? Это я сегодня услышал.

Продюсер. И что же значит это ё-моё?

Аркадий. Ну... Лев Толстой так в письмах знакомым писал. Если будем живы, значит. Е-бэ-жэ.

Инна. Видите, как прав был Толстой. Классик! Великан!

Аркадий. Не уверен. То есть не уверен, что он был прав как раз в этом. Нельзя всё время за жизнь трястись: пропадёт она вдруг или не пропадёт. Жить надо так, будто смерти никакой нет.

Инна. Ах, как вы восхитительно молоды! И наивны.

Продюсер. К счастью, в жизни есть изумительные моменты. А то можно бы просто головой об асфальт. Мы вчера с моим Захарием поехали покататься. Мужу я, конечно, сказала, что у меня деловая встреча, плакаты забрать надо и каблук сломался, - и поехали мы. Такое у меня было ощущение, будто небесные двери растворились и оттуда звучит дивная музыка. Захарий меня обнял и говорит: «Холодно тебе, дорогая?» А я говорю: «И ножки холодные, и ручки холодные. Вот пока каждый пальчик не поцелуешь - никуда не пойдёшь». Он, конечно, пытался мне пожаловаться, что жена у него нездорова; а после того, как купил двум дочкам по холодильнику, и третья того же захотела, и он весь в долгах. Я это молча перенесла. И своё говорю: «Захарушка,

солнышко, ты забыл, что давно мне ничего не дарил. А женщина без подарков - как цветок без воды». Он задумался...

Инна. Ну и как же?

Продюсер. Вот, пока дожидаясь. И вам придётся подождать.

Марина. *(входит)* Аркадий! Вы, конечно, мне поможете. Не бросите женщину.

Аркадий. А в чём дело?

Марина. А вот видите, надо эти шнуры смотать на барабаны.

Аркадий. Ага, попробую. Для вас...

Марина. Спасибо.

Продюсер. И нам пора смотаться отсюда. Пойдёмте, Инна, я вас подвезу.

Инна. Нет, благодарю вас, у меня ещё дела здесь, в театре.

Продюсер. Ну, как знаете *(уходит)*.

Марина. Почему?

Инна. Что почему?

Марина. Почему вы с ней не поехали?

Инна. Ну вот ещё! У плембса одолжаться... Если она не хочет отдать того, что следует, то одолжений от неё мне тем более не нужно. Я лучше пешком дойду *(уходит)*.

Марина. Гордость - это штука, которая дорого обходится. И доставляет неудобства. *(Отключает кабели, собирает инвентарь)* Ну, как подвигается дело?

Аркадий. Практически всё. Собрал.

Марина. Тогда отдайте. Отнесу в машину. Ничего, это я сама. Если бы вы знали, какая у нас страшная ситуация на самом деле! Ваше счастье, что вы этого не знаете, и думаете, что всё пока терпимо. Вы так и до пенсии доживёте, как вон эти наши старички, и помрётё, так и не зная, насколько всё было плохо.

Аркадий. Погодите, дайте сообразить. Если я, по-вашему, доживу до пенсии и помру, не зная, насколько было плохо, и думая, что всё в порядке, то, может быть, плохого-то совсем и не было. Плохое очень трудно не заметить, оно само в глаза бросается.

Марина. Эх вы, милый младенец! Оно бросается в глаза тому, кто умеет его различить. А может, вам просто повезло. Характер у вас такой, наверное, лёгкий. Вы способны довольствоваться малым, и при этом радоваться. А я так не согласна! Но до большого я ещё не доросла. Вот и довольствуюсь малым, но при этом грущу. Смешно: довольствуюсь всяким добрым малым...

(Марина уносит барабаны с проводами. Входит переодетый Владимир, делает Марине незаметный для Аркадия знак молчать. Марина пожимает плечами и уходит).

Владимир. Потрясающе, просто потрясающе! Поздравляю вас, поздравляю. Удивительно, превосходно сыграно. Какая экспрессия, какая энергетика! К сожалению, публика не всегда оценивает подлинное мастерство, но мы, критики, обязаны открыть ей глаза. Это явление. Надеюсь, вы понимаете, что вы - явление?

Аркадий. Да как-то так. Пока не очень.

Владимир. Нет-нет, не скромничайте! Феерическое зрелище, для настоящих ценителей. Публика у нас бывает глуховата, но мы, театроведы, обязаны ей разъяснить, просветить, мобилизовать. Чудесный спектакль. Ваш охотник просто великолепен. Рельефен. Отточен. Изыскан. В этом театре вообще редкостные артисты. Конечно, режиссура здесь порой слабовата, тут уж ничего не поделаешь. Но ансамбль, ансамбль вывозит всё. Как давно вы служите театру?

Аркадий. Я недавно приехал. А вообще два года после училища. Но я поздно поступил...

Владимир. Вижу, вы скромный и талантливый молодой человек, вижу! Вы, конечно, наше местное радио пока не слушаете? Нет? Зря. У меня там часовая программа, «Мир искусства» называется. Я хочу дать в эфир подробное интервью именно с вами. Пусть люди узнают вас получше. Мы подключим все газеты, в Интернете материалы разместим. В пятницу вы свободны?

Аркадий. Да. Но, может, с Георгием Степановичем...

Владимир. Нет-нет, только с вами, только с вами. Исключительно. Неужели вам неприятно, когда вас хвалят? Причём заслуженно хвалят. Ну, скажите честно: ведь приятно?

Аркадий. Приятно.

Владимир. Вот видите. Доброе слово, оно и кошке... А уж хорошему человеку, когда он того заслуживает - обязательно. Лицедейство - тяжёлая профессия. Нервная. Сегодня вы охотник, завтра - Гамлет, послезавтра - американский безработный. И во всё нужно вложить душу. Вы чувствуете особенную склонность к детскому театру?

Аркадий. Нет, в общем-то. На выпуске мы детский спектакль ставили. Практически детский. «Золушку». А потом я в кукольном театре полгода работал. Проект закончился, они все выступления отменили. Вот, сюда перебрался.

Владимир. И отлично сделали! Вас обязательно полюбит местная публика. У вас есть, знаете ли, некая харизма, такое себе влечение пола. А как танцуете! Вот моя племянница, должен вам заметить, молодой человек, - совершенно сексуально распушенная девушка, с восторгом отозвалась о вашей игре сегодня, просто с неподдельным восторгом.

Аркадий. Но это же детский спектакль был! Там же ничего такого...

Владимир. А ей всего восемнадцать, но она уже успела повидать, уже успела... Я вас обязательно должен познакомить. Вы ей так понравились, очень. Это неудивительно. Хотел её сейчас сюда, к вам привести, но она ещё стесняется. В пятницу придёте на радио, в три часа. Адрес знаете? Улица Рембрандта, 9. Ну, здешние вам укажут. Там пропускная система, охрана, возьмите с собой паспорт, я пропуск выпишу. И она будет, познакомьтесь. У вас огромное будущее, молодой человек, необыкновенное, поверьте старому театралу...

Режиссёр. *(входит вместе с Инной)* Ребята, не расслаживайтесь. Надо помочь Марине, надо помочь Грише. Загрузим прицеп, послезавтра снова дневной выезд. «Кот в сапогах», как собирались, билеты вроде чуть-чуть разошлись. Кстати, Аркадий, тебя введём на людоода.

Владимир. Вижу, вы заняты. Не буду мешать. Увидимся в пятницу!

Аркадий. Подождите! Георгий Степанович, тут вот с городского радио...

Режиссёр. А! Уже? Не принимай близко к сердцу.

Инна. Володя, перестань морочить Аркаше голову!

Аркадий. Что?

Режиссёр. Дитя, ты не узнал Владимира Аркадьевича? Он, конечно, прекрасный артист, но только не тогда, когда это действительно требуется.

Владимир. Вы меня с кем-то путаете...

Инна. Бессовестный ты. И бессердечный. Мало тебе дурачить людей в зале, ты на партнёров перешёл? Так заигрался, что теперь неизвестно, где же ты настоящий.

Режиссёр. Ничего страшного. Старый волк решил однажды сыграть доброго волшебника. Вполне допустимый психологический ход. Только немножко не ко времени.

Инна. Постыдился бы в твоём возрасте студенческие штучки устраивать. А если бы Аркаша тебе поверил? Ты бы его погнал на радио, он бы провёл там часа два, пока выяснил, что он никому не нужен. Что никто его не приглашал и знать его не хочет.

Владимир. Зато это были бы прекрасные два часа его жизни. Я пытался подарить ему надежду. Нам уже надеяться не на что, а у него вся безнадёга ещё впереди. Добро, вам есть чем гордиться. Опознали под маской знакомые черты. Разрушили иллюзию.

Аркадий. То есть это вы?.. Зачем? Это розыгрыш? Это был розыгрыш. Я теперь выгляжу как идиот, да? Как наивный идиот?

Режиссёр. Нет, мой мальчик, ты теперь выглядишь, как настоящий артист. Ты стал мудрее.

Инна. За что благодарите этого клоуна-халтурщика.

Владимир. Ну, разоблачили, разгадали. Извини, Аркадий, ты же понимаешь - это театр. Ничего личного. Я хотел тебя как-то подбодрить. Хотел, чтобы ты поверил, что не всё так беспросветно, как можно подумать, глядя на нас.

Аркадий. Да я не сержусь. Ничего. Всё в порядке. У нас в училище и покруче бывало. Но вы это здорово...

Владимир. В самом деле?

Инна. Как говорил великий Константин Сергеевич: «Не верю!»

Аркадий. Кто такой Константин Сергеевич?

Инна. Дожили. Молодёжь не знает Станиславского.

Аркадий. Нет, я знаю, знаю. Просто забыл.

Владимир. И слава Богу. Сбрасывайте старый хлам, отрицайте устои! Оттолкнитесь от нас, наплюйте на нас, идите дальше своей собственной дорогой. Когда-нибудь вы создадите образы такой глубины, такой силы, которая нам недоступна.

Режиссёр. А потом посмотрите на часы и поймёте, что пора завязывать. Володя, обращаю твоё персональное внимание - ещё такая же накладка, как сегодня, и мы будем с тобой серьезно ругаться. Ты, конечно, мастер, и иногда даже говоришь красиво, но не по делу. Спорить не будем? Не будем! (*Входит Гриша*) Гриня, всё сложили?

Гриша. Всё сломали. Шучу. Упаковался тип-топ, как обычно. Твоя жена нервничает. Забирай её скорее и отваливай. Если они с Мариной сцепятся, чур, я не виноват.

Режиссёр. Ася! Асенька! (*быстро уходит*)

Гриша. Всё, ребята, костюмчики на вешалку сдаём и по домам пойдём. На сегодня работе конец, кто работал - молодец. Молодой-красивый, не задерживайте движения, отдавайте костюмчик.

Аркадий. Да-да, пожалуйста.

Гриша. Бабуля висит, хорошо, пять предметов и обувь. Волк висит, хорошо, два предмета и обувь. Шапку висит, тоже неплохо. Теперь Эдик, виноват, Аркадий - четыре предмета и обувь, и поехали (*везёт стойку с костюмами*). Володя, что ты такой бледный?

Владимир. Она назвала меня халтурщиком.

Гриша. Ну и что? Может, она и права. Никогда не надо вкладывать душу в то, за что получаешь зарплату. Иначе ни души не останется, ни зарплаты.

Марина. (*входит*) Когда-нибудь я скажу им всё, что думаю! Наступит этот момент, наступит. Аркадий, что вы такой грустный? Проводите меня, поужинаем вместе. Или у вас на сегодня другие планы?

Аркадий. Нет... То есть я... С удовольствием.

Марина. Ещё бы вы попытались делать это со мной без удовольствия!.. Володя, что с вами?

Владимир. Она сказала, что у меня нет сердца.

Марина. А оно есть? Вы очень побледнели, Володя. Вам нехорошо?

Инна. А он сказал, что меня надо похоронить в железобетоне.

Гриша. Это же он не всерьёз. Вы же знаете, он от вас без ума. По-своему, конечно, но очень сильно. И неизвестно, кого и где похоронят. А главное - когда. Как говорил Эпикур: пока есть мы - нет смерти, когда есть смерть - нет нас.

Режиссёр. (*входит вместе с Асей*) Отставить похоронные настроения. Что ты, Гриша, опять пролетарскую философию развёл? Читаешь слишком много, вот у тебя всякие проблемные мысли и лезут.

Ася. Если хотите что-то хорошее почитать, то лучше всего детективы. И не скучно, и не запоминаешь. Вас Георгий обидел? Он сегодня всех обижает, день такой. Не убивайтесь так.

Владимир. Не убиваться?! Каждый день я на этой работе убиваю себя по четыре раза в день, не меньше. Ежедневно. Каждый день я спрашиваю себя: зачем я живу? Чтобы изображать зайчика? Вы можете без этого обойтись? И я тоже могу. Но если я не буду

изображать зайчика, я не смогу купить себе еды. Ничего у меня не будет. Брюк не будет. Пиджака не будет. Кофе не будет.

Гриша. В твоём кофе больше коньяку, чем воды.

Владимир. Так что из того? Это помогает мне примириться с будущим, которое уже почти наступило. Вот оно, моё чёрное будущее, с каждой минутой всё ближе. Крыши над головой у меня не будет, если я перестану быть волком. У-у-у! Как я ненавижу весь театр и систему Станиславского отдельно. А сколько людей каждый день на службе изображают зайчика или волка, чтобы только быть сытыми, чтобы спать в тепле, на машинах ездить, чтобы кофе хлебать. А службу свою ненавидят... Что-то плохо мне, на самом деле плохо. Воздуху бы... *(садится на стул и сползает с него на пол)*

Инна. Володя! Ну, милый, что болит? Где болит? Дорогой мой, где болит?! Ну сделайте же что-нибудь!

Режиссёр. Ася! Что с ним?

Ася. Я же ему не доктор. Я только тебя лечить умею. Ну, давай «скорую помощь» вызовем, что ли?

Марина. Да, нехорошо. *(Расстёгивает Владимиру воротник, щупает пульс.)* Он раньше на сердце жаловался?

Инна. Он раньше на всё жаловался.

Марина. У него аритмия, пульс с перебоями. Нельзя же так своё здоровье запускать. Не старый ещё мужчина... Вполне может кому-то пригодиться.

Инна. Он умрёт?!

Марина. Конечно, когда-нибудь умрёт. Все когда-нибудь помрут. Но, надеюсь, не сегодня.

Режиссёр. Это важно. Асенька, подожди вызывать «скорую помощь». Он очнулся, кажется.

Ася. Дайте ему какие-нибудь капли. И давай, мася, уже поедем. Нас же люди ждут.

Гриша. А куда вы сегодня?

Режиссёр. На день рождения. К Асиной сестре. Подождут, не треснут. Видишь, у нас какая проблема...

Гриша. Старый реквизит сломался.

Режиссёр. Нехорошо шутишь, Гриша.

Гриша. Как умею, как умею.

Режиссёр. Так шутить не надо. Может показаться, что ты ему не сочувствуешь.

Гриша. Ему я как раз сочувствую. Я самому себе не сочувствую.

Марина. Так, юмористы, давайте его посадим.

Инна. Осторожнее, осторожнее. Володенька, родной мой, тебе плохо?

Владимир. Уже почти хорошо. Инна, я тебя испугал? Извини, пожалуйста.

Инна. Ну что ты, что ты... Нужно обязательно сходить к врачу. Сегодня же. Завтра же. Я запишу тебя в очередь. Придёшь на приём, он на тебя посмотрит...

Владимир. И что я ему скажу?

Инна. Скажешь: «Здравствуйте, доктор».

Режиссёр. А лучше ты ему - из «Гамлета»: «Как провели вы эти дни, мой принц? Здоровы ль вы? - Благодарю, вполне, вполне, вполне».

Марина. Ничего, поправитесь. Стало дурно на минутку, с кем не бывает. А кому сейчас хорошо? Все болеют, все стареют. Доживём, что стакан воды подать некому будет.

Владимир. Спасибо. Лучше кофе.

Марина. Кофе вам сейчас никак нельзя.

Владимир. А коньячку?

Марина. Тоже нежелательно.

Владимир. Но позволительно. Гриша, дай, пожалуйста, там, мой термос.

Гриша. Тебе вредно! Ладно, возьми. Мы тебе немножко оставили.

Владимир. Узнаю актёрскую солидарность.

Ася. Между прочим, могли бы и людей угостить.

Владимир. Вы совершенно правы, сударыня. Угощайтесь (*протягивает ей чашку-крышечку термоса*).

Режиссёр. Не пей вина, Гертруда!

Гриша. Не пей, козлёночком станешь.

Ася. (*отпивает*) А неплохо. Бодрит немножко. Хотя гадость, конечно. Масюсик, поехали; ты же видишь, здесь всё в порядке.

Режиссёр. Да, да. Завтра всех попрошу быть в нашем зале к десяти... Нет, лучше к одиннадцати. Всех, кроме больных. Ровно в одиннадцать, и прошу не опаздывать. (*Режиссёр и Ася уходят*)

Марина. Ну как? Встать сможете?

Владимир. Пока нет. Я ещё посижу немножко. А потом, конечно, пойду. Побреду потихоньку.

Гриша. Держись, старик. Мольер умер на сцене. Хмелёв умер на сцене. Андрей Миронов умер на сцене. Не сравнивай себя с ними, не позорься, не лезь с суконным рылом в калашный ряд. Ты ещё всем покажешь, какие бывают зайчики. Может, в кино тебя пригласят.

Владимир. На последний сеанс. Нет, жизнь моя кончается. Мне сейчас показалось, будто я ухожу, ухожу по тёмному коридору, а впереди свет, свет такой славный, будто вы его ставили, Марина. И рампа, и шум зала. И я выхожу из кулисы. Вот только роли своей не помню ничуть, но знаю, что сыграю на славу, что важно только выйти - и дальше тишина. Напряжённые лица: они слушают меня и слышат. И мне улыбается великий, вечный режиссёр. И овация! И я шёл туда, но почему-то вернулся сюда.

Инна. Неужели ты хотел сам уйти, а всех нас бросить? Как ты можешь думать только о себе?

Владимир. Я и о вас думал. Что заменить меня в «Коте» некем, и может сорваться спектакль. Что ты возьмешь на память мои парики, а если станет совсем трудно - продашь их, я их тридцать лет подбирал. Что тебя напрасно обидел, но извиниться не успел. Да и не следует, наверное, извиняться, потому что ты обижаешься с удовольствием.

Инна. Я обижаюсь с удовольствием?!

Владимир. Извини, милая, да. Такое впечатление, что ты ждёшь от мира какой-то гадости, а когда она происходит, ты уверенно обижаешься. Так, будто только этого и ждала. Будто весь мир стал таким, как он есть, только чтобы тебя обидеть.

Гриша. Некоторый резон в этом, конечно, имеется...

Инна. Двуличное ты существо, Володя! Сам первый готов всегда меня во всём ущемить. Никогда доброго слова от тебя не дождёшься. И то тебе не так, и это не этак. И я не такая, как тебе надо, и все люди неправильные, не по-твоему сделанные. Впечатление у него!.. Впечатление, что тебе хорошо, только когда тебе плохо - тогда ты молчишь и всем доволен. (*Плачет*)

Марина. Инночка, не расстраивайтесь. Мужчины этого не стоят.

Инна. Какие это мужчины? Разве может настоящий мужчина обидеть женщину?

Гриша. А почему не может, если женщина сама обижается из-за любого пустяка? Она расстраивается, а мы-то в чём виноваты? Нас вон весь мир обижает, а мы держимся, не плачем.

Марина. Мир ведёт себя ещё хуже: он просто ко всем безразличен. Людям обычно нет дела до того, что переживают посторонние.

Инна. Вот это и обидно.

Владимир. Вот видишь: хотя бы тут я ни при чём, а тебе уже обидно.

Инна. Лицемер! Ты никогда ни при чём!

Владимир. Не лицемер я, а лицедей. На крошечку разницы, а как меняется смысл. Эх, сердце моё, сердце. Дышать всё ещё трудно. Может быть, действительно поговорить с

врачом. Мы с тобой, Инка, слишком хороши, чтобы спокойно жить в этом мире. Обязательно случаются какие-то накладки.

Гриша. Так что же? Накладки бывают всегда, а всё-таки, что бы там ни было, надо доиграть свой спектакль до конца. Реквизит потом и без тебя приберут (*увозит стойку с костюмами*).

Марина. Аркадий! У нас переменялись планы, вы знаете об этом? Теперь знаете. Вы же мне не откажете. Вы проводите Владимира Аркадьевича домой. Если понадобится, возьмите такси. До самого дома, до постели, ладно? И посмотрите, чтобы он каких-нибудь каплей принял дома, что ли. Мы с вами поужинаем в другой раз, хорошо?

Аркадий. Я... Нет. То есть да, конечно. Может, всё-таки «скорую»?

Марина. Не суетитесь. И он не дастся лечить, и запашок от него есть. Отведи его домой, дружок. Потом сочтёмся. (*К Инне*) Инночка, вот Аркаша проводит коллегу домой, не волнуйтесь. Сегодня он за ним присмотрит. А я вас подвезу, в моей развалюшке-ладочке одно место есть.

Инна. Спасибо.

Марина. Практически не за что. Буквально от себя отрываю.

Инна. Я так изнервничалась сегодня. А из-за чего? Кто скажет мне: почему и из-за чего? Из-за этого старого притворщика?

Марина. Нет, Инна, из-за друга. Вашего давнего зачатого друга. Пойдёмте-ка. (*Марина и Инна уходят*).

Аркадий. Я провожу вас. Марина попросила. Вы уж не отказывайтесь.

Владимир. Не откажусь. Позвольте мне на вас опереться. Благодарю. Сегодня вы будете моим Хароном?

Аркадий. Нет, я буду вашим Гераклом. Или этим, как его... Прометеем. Мы пойдём пешком? Или, может, хотите - такси возьмём?

Владимир. Оставьте, мы пешим порядком. Мне уже лучше.

Аркадий. Так и должно быть.

Владимир. Вы полагаете? Никогда не бросайте работы, молодой человек. Никогда! Особенно если вам за сорок. Примерно в этом возрасте человек привыкает делать то, что он делает постоянно, и всякие перемены для него губительны. Появляется профессия, которой посвящена жизнь. И позже менять эту профессию очень трудно, почти невозможно. А достойной работы нет. И вот вы хватаетесь за то, что есть, за то, что вам предлагают, и трясётесь, чтобы и этого не потерять. И неважно, что вы накопили опыт и знания; неважно, чего вы стоите; неважно, каковы в деле. Потерянного не вернешь, а нового уже не наживешь. Поэтому держитесь за то, что есть, каким бы оно ни было. Послушайте моего доброго совета. Я вам в отцы гожусь.

Аркадий. По крайней мере, в дедушки.

Владимир. Ну, пусть будет так. Вы - новое поколение, но и вы со временем займёте наше место. И на нашем памятнике будет написано...

Аркадий. Под вашим памятником будет написано?

Владимир. Шутить изволишь? Нет. На моём памятнике безвестному артисту будет высечено: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой никому не нужен».

Аркадий. А как же дети?

Владимир. Какие дети? Мои дети?

Аркадий. Нет, дети в зале. Я видел, они смеялись и хлопали.

Владимир. Смеялись и хлопали?

Аркадий. Да. Термос свой не забудьте. А то сопрут. Тут могут. Ну, идём?

Владимир. Идём. Значит, вы говорите: смеялись и хлопали? Я вам расскажу один случай, будете потом вспоминать как свой. Играли мы как-то на выезде... (*Оба уходят*).